
OCR: Pirat

Доп. правка: В. Есаулов, сентябрь 2004

ПОСВЯЩАЕТСЯ АРДАЛИОНУ МИХАЙЛОВИЧУ АНДРЕЕВУ

I

...В благовонном дыме трубок. Как звезда, несется кубок, Влажной искрою горя Жемчуга и янтаря; В нем, играя и светлея, Дышит пламень Прометея, Как бессмертная заря!

Невдалеке от Киева, в день зимнего Никола, многие офицеры *ского гусарского полка праздновали на именинах у одного из любимых эскадронных командиров своих, князя Николая Петровича Гремина. Шумный обед уже кончился, но шампанское не уставало литься и питься. Однако же, как ни веселы были гости, как ни искрения их беседа, разговор начинал томиться, и смех, эта Клеопатрина жемчужина, растаял в бокалах. Запас уездных новостей истощился; лестные мечты о будущих вакансиях к производству, любопытные споры о построениях, похвальба конями и даже всевозможные тосты, в изобретении коих воображение гусара, конечно, может спорить с любым калейдоскопом, – все наскучило своей чередой. Остряки досадовали, что их не слушают, а весельчаки, что их не смешат. Язык, на который, право не знаю почему, скорее всего действует закон тяготения, заметно упорствовал подниматься к небу; восклицания и вздохи и табачные пuffs становились реже и реже, по мере того как величественные зевки, подобно электрической искре, перелетали с уст на уста...

Я мог бы при сей верной оказии, подражая милым писателям русских новостей, описать все подробности офицерской квартиры до синего пороха, как будто к сдаче аренды; но зная, что такие микроскопические красоты не по всем глазам, я разрешаю моих читателей от волнова-ния табачного дыма, от бряканья стаканов и шпор, от гомеровского описания дверей, истрелянных pistolетными пулями, и стен, исчерченных заветными стихами и вензелями, от висящих на стене мундштуков и ташки, от нагорелых свеч и длинной тени усов. Когда же я говорю про усы, то разумею под этим обыкновенные человеческие, а не китовые усы, о которых, если вам угодно знать пообстоятельнее, вы можете прочесть славного китолова Скорезби. Впрочем, да не помыслят поклонники усов, будто я бросаю их из неуважения; сохрани меня Аввакум! Я сам считаю усы благороднейшим украшением всех теплокровных и хладнокровных животных, начиная от трехбунчужного паши до осетра.

Но вспомните, что мы оставили гостей не простясь, а это не слишком учтиво. Без нас уже половина из них, не подстрекаемая великим двигателем сердец – банком, склонила головы свои на край стола, между тем как остальные, более крепкие или более воздержные, спорили еще сидя: что красивее, троерядный или пятирядный ментик? Вдруг звон колокольчика и топот злой тройки заглушил их прения. Сани шаркнули под окном, и майор Стрелинский уже стоял перед ними.

– Здравствуй, здравствуй! – летело к нему со всех сторон.

– Прощайте, друзья мои! – отвечал он. – Отпуск у меня в кармане, кони у крыльца, и ретивое на берегах невских; я заехал сюда на минуту; поздравить милого именинника и выпить прощальную чашу. Сто лет счастья! – воскликнул он, обращаясь к князю, с бокалом шампанского, и дружески сжимая его руку. – Сто лет!

– Милости просим на погребенье, – отвечал, усмехаясь, Гремин, – и я уверен, что ты заключишь старинную дружбу нашу похвальным словом над моею могилою!

– Похвальным словом? Нет! это слишком обыкновенно. Да и зачем хвалить того, кого не за что бранить? Впрочем, как ни упорен язык мой на панегирики, твое желание одушевляет меня казарменным красноречием. Не хочу, однако ж, проникать в будущее – нет, я произнесу только надгробное слово этим живым и